

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 927-935
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.927

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Ideological and Spiritual Paradigm of Z. N. Gippius' Social Activity in the Context of the Silver Age

Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Ivan A. Pfanenshtil ^a, Tatyana V. Schastlivaya ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This article focuses on social activities, the specifics of Zinaida Gippius' world view, and her influence on the formation of consciousness of the Russian intelligentsia at the turn of the 20th century. The study is based on the use of primary sources: diaries, memoirs, letters, articles, both by Gippius and her contemporaries. These sources have been analyzed in a comparative manner to provide the greatest degree of objective insight into the social and political processes that were taking place in Russia and the role of Gippius in them. The reasons for the failure of religious and philosophical activities of Z. Gippius and her closest companions D. Merezhkovsky and D. Filosofov are justified in the article. The idea of implementing the Main, which was to create a modernized church on the basis of the formation of a new religious consciousness, did not resonate with her contemporaries. Gippius' personal qualities, her exaggerated self-esteem, her fanatical conviction in the truth of her own ideas, which in fact turned out to be false, her belief that the need to spread these ideas gave her the right to control people's fates by bending them to her will, alienated from her even her supporters. Her numerous contacts with representatives of different social groups helped Gippius to correctly assess the social and political situation in the country and develop her attitude to it. Taking into account Gippius' authority and influence among the Russian intelligentsia, without exaggerating the results of her social activities, we can definitely say that she contributed quite a lot to the formation of public consciousness, which makes her personality interesting for our contemporaries as well.

Keywords: Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky, intelligentsia, Russia, culture, revolution, Silver Age.

1. Введение

«Время было, по-моему, интересное. Что-то в России ломалось, что-то оставалось позади, что-то, народившись или воскреснув, стремилось вперед... Куда? Это никому не было известно, но уже тогда, на рубеже веков, в воздухе чувствовалась трагедия» (Гиппиус, 1990: 344). Так охарактеризовала Зинаида Гиппиус время, в которое ей пришлось жить. Действительно, рубеж веков в истории России является периодом кризисным и переломным. Осознание обществом того, что старые формы существования культуры устарели, подтолкнуло интеллигенцию на мучительный поиск новых путей, который в культуре был связан прежде всего с символизмом. Пережив периоды взлета и забвения в ходе своего развития, символизм во многом предопределил развитие философской мысли в России и повлиял на становление принципиально нового направления в русском искусстве. По сути, он явился одним из истоков искусства XX века. Убежденность Гиппиус в том, что символизм сможет обеспечить возможность творческого подхода к осознанию действительности, сделала ее сторонницей этого течения. Организованная З. Гиппиус, Д. Мережковским, Н. Минским, Ф. Сологубом, А. Волынским творческая группа стояла у самого истока символизма, ей были близки проблемы поиска истины и тайн бытия, вопросы противопоставления духовного и материального. Однако решение этих проблем

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), IPfanenshtil@sfu-kras.ru (I.A. Pfanenshtil), trizhenkova@sfu-kras.ru (T.V. Schastlivaya)

не ограничивалось только рамками искусства. Деятельная, активная позиция группы в формировании нового сознания и умонастроения соответствовала личностным устремлениям самой Гиппиус. Являясь персоной неординарной, амбициозной, творчески одаренной, она оставила яркий след не только в искусстве Серебряного века. Используя свои организаторские способности и публицистическую деятельность, Гиппиус пыталась влиять на развитие общественного сознания. Непоколебимая уверенность в своей правоте относительно верности понимания ею общественных и политических событий, безусловная одаренность Гиппиус как литератора привлекали к ней внимание современников и делали ее фигуру весьма значимой в среде русской интеллектуальной элиты рубежа веков. Свое наследие сама Гиппиус оценивала как «далеко не лишнее исторического интереса» (Гиппиус, 1991: 394). Однако ее заявление – «соблюдая всегдашнее мое правило – держаться лишь свидетельства собственных ушей и глаз» (Гиппиус, 1991: 372) – не означало объективного подхода автора к оценке людей и событий. Очень часто, «по возможности» желая быть объективной, она не терпела возражений, подвергая жесткой и несправедливой критике своих оппонентов. Все, что «вне вашего круга, все осуждается» (Бердяев, 1990: 300) – писал Н. Бердяев в одном из своих писем Гиппиус. Субъективная «объективность» Зинаиды Николаевны не умаляет значения ее литературного наследия, однако вызывает необходимость учитывать это при анализе оставленных ею трудов. Сложно понять эпоху Серебряного века без представления о роли и значении, которую сыграла в ней эта неординарная женщина. Ее стремление находиться в центре общественно-политической, интеллектуальной, творческой жизни России нашло реализацию в действительности. Многогранность ее натуры, разносторонность интересов и активная деятельность до сих пор делают фигуру Зинаиды Гиппиус привлекательной для исследователей и широкого круга читателей.

2. Материалы и методы

Исследование базируется на анализе массива первоисточников в виде дневников, воспоминаний, писем и статей З.Н. Гиппиус и других видных деятелей эпохи Серебряного века, документов Института русской литературы (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Иркутской области (Иркутск, Российская Федерация).

В основе теоретико-методологического подхода лежат общенаучные и специальные исторические методы исследования. Принцип историзма дал возможность выявить взаимосвязь исторических условий развития России на рубеже XIX–XX вв. и становления новых идейно-культурных течений. Историко-генетический метод позволил выявить детерминанты становления символизма и идеи нового религиозного сознания. Обстоятельства жизни и деятельности З.Н. Гиппиус и других авторов воспоминаний в контексте динамики идеологических и политических процессов проанализированы с помощью историко-биографического метода. Сублимирование феномена культурно-исторического развития из специфичных частных признаков стало возможным благодаря идеографическому методу.

3. Обсуждение

Жизненный и творческий путь Зинаиды Николаевны Гиппиус существенным образом повлиял на содержание эпохи Серебряного века, которая входила в орбиту ее интересов и анализа. Для более полного понимания этого сложного, противоречивого времени в статье использованы в качестве первоисточников воспоминания (Гиппиус, 1990), биографические очерки (Гиппиус, 1991), статьи (Гиппиус, 1999), дневники (Гиппиус, 1991), эпистолярное наследие (Гиппиус, 2018) Гиппиус, которые помогают увидеть эпоху глазами ее современников. Использование при написании статьи трудов ближайших соратников Гиппиус – Мережковского (Мережковский, 1991) и Философова (Философов, 1999) дает возможность более полно ознакомиться с ее взглядами на общественно-политическую ситуацию в России. Представление о личностных качествах Гиппиус и отношении к ней современников помогают составить мемуары Н. Берберовой (Берберова, 1990), дневники К. Чуковского (Чуковский, 1991), письма А. Блока (Блок, 1978), Н. Бердяева (Бердяев, 1990), воспоминания А. Бенуа (Бенуа, 1993а, 1993б). О характере взаимоотношений четы Мережковских с Блоком можно судить по воспоминаниям Берберовой о поэте (Берберова, 1999) и книге В. Орлова «Гамаюн» (Орлов, 1980). Позиция М. Горького по отношению к символизму, и в частности его отношение к творчеству Гиппиус, рассматривается в монографии Н. Крутиковой (Крутикова, 1978). Сложность и неоднозначность фигур Мережковского и Гиппиус помогает понять книга профессора В. Хрисанфова (Хрисанфов, 2005). Научно-исследовательские статьи, произведения русской интеллигенции рубежа веков, в том числе З. Гиппиус, посвященные событиям Первой мировой войны, представлены в сборнике «Политика и поэтика: русская литература в историко-литературном контексте Первой мировой войны» (Политика и поэтика..., 2014). Анализ социально-религиозных взглядов Мережковского и Гиппиус проведен в монографии В. Сарычева (Сарычев, 2017). Л. Колобаева в монографии, посвященной русскому символизму, проанализировала религиозные искания Мережковского и Гиппиус (Колобаева, 2000). В 2002 г. вышла в свет коллективная монография, посвященная З. Гиппиус, в которой наряду с трудами отечественных исследователей представили свои статьи зарубежные ученые: Т. Пахмус (США), Д. Спендель, М. Паолини (Италия),

Р. Томсон (Канада) (Гиппиус. Исследования, 2002). Ряд статей авторов данной работы освещает вопросы идейных исканий российской и сибирской интеллигенции на рубеже веков, ее влияния на формирование социокультурного пространства страны, взаимодействия с социальными группами, творческой и общественной деятельности (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhina et al., 2017; Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhina et al., 2021).

Сложность и противоречивость характера русской культуры рубежа веков, отразившись на деятельности людей, создававших облик эпохи, нашли свое прямое отражение и в биографии Зинаиды Гиппиус, изучение жизненного и творческого пути которой помогает более глубокому пониманию и осмыслению содержания эпохи Серебряного века.

4. Результаты

Для русской интеллигенции период рубежа XIX–XX веков был временем переосмысления традиционных ценностей, которые для нее утратили свою прежнюю значимость. Пошатнулась ее вера как во всемогущество разума, так и в способность христианства разрешить назревшие проблемы. Зинаида Гиппиус, мимо которой общественно-политическая жизнь страны не проходила стороной, всегда стремилась быть ее активной участницей, отражая в своем творчестве события и перипетии времени. Вся ее жизнь и деятельность были неразрывно связаны с именем Дмитрия Мережковского. Их взгляды на ключевые, принципиальные вопросы никогда не расходились. Этот союз, длившийся 52 года, во многих отношениях можно считать плодотворным. Их влияние друг на друга было обоюдным. «Они были больше, чем супружеской четой: организацией, чуть ли не партией» (Берберова, 1999: 81). Гармонично дополняя друг друга, супруги с упорной настойчивостью проводили свои убеждения в жизнь. Оба не терпели возражений со стороны оппонентов, оба были очень меркантильны, говоря о духовном, не забывали о материальной составляющей жизни. Оба были высокого мнения о творчестве друг друга. Мережковский причислял Гиппиус, наряду с Брюсовым и Сологубом, к «художникам классического совершенства», которые, по его мнению, являются «единственно законными наследниками великой русской поэзии от Пушкина до Тютчева» (Мережковский, 1999: 179). Правда, он не привел оснований, по которым отводил их искусству столь исключительную роль. Гиппиус считала Мережковского большим русским религиозным писателем, утверждая, что «любил он Россию, – настоящую Россию, – до последнего вздоха своего» (Гиппиус, 1990: 329). Что, однако, не помешало им во время войны отвернуться от родины, поддерживая режимы Муссолини и Гитлера. На общественно-политическую ситуацию, сложившуюся в России на рубеже веков, их взгляды совпадали, они почти никогда не расходились в оценке исторических событий, свидетелями которых им приходилось быть.

Духовный кризис, в котором оказалось русское общество на рубеже столетий, подтолкнул к поиску новых путей развития страны. Мережковские разделяли мнение о том, что искусство способно пробудить в обществе религиозное сознание и может преобразовать жизнь в соответствии с христианскими идеалами. Вера в возможность духовного обновления общества посредством приобщения его к новой религии через искусство привела их в ряды мирискусников. В 1899 г. они начинают сотрудничать с творческим объединением «Мир искусства». Усилиями Д. Филоσοфова в журнале был создан религиозно-философский отдел, для работы в котором и были приглашены Мережковские. Статьи супругов не соответствовали тематике журнала, но были близки ему по духу. Так, исследование Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» было напечатано именно в этом журнале. Между Мережковскими и сотрудниками журнала завязались дружеские отношения. А. Бенуа был постоянным посетителем вечеров у Мережковских, на которых встречался с Сологубом, Блоком, Розановым, бывал там К. Чуковский и многие другие представители интеллигенции. В своих воспоминаниях А. Бенуа отмечал, что был пленен Мережковскими. Его поразила эрудиция и яркая, красочная речь Дмитрия Сергеевича. У Зинаиды Николаевны он отмечал постоянное стремление позировать, кривляться с постоянной улыбкой на лице (Бенуа, 1993: 48-49).

Гиппиус имела большую популярность в интеллигентской среде благодаря активной публицистической деятельности. Статьи, написанные живо и эмоционально, имели в обществе определенный резонанс, влияя на его унастроения. Но стремление быть объективной, переступив через чувство, реализовать Гиппиус явно не получалось. Ее субъективные оценки всегда доминировали над объективным восприятием человека или события. Всё и все оценивались ею с позиции их полезности для осуществления собственных идей. В статье о М. Горьком, напечатанной в 1904 г., говоря о его популярности, она писала, что были «шум и крики вокруг него, даже вопли – его последователей», она, в то же время, «с возможным беспристрастием» отмечает его «наблюдательность и талантливость среднюю» (Гиппиус, 1990: 380). Отводя Горькому пророческую роль, она утверждала, что его проповедь «освобождает человека от всего, что он когда-либо имел: от любви, от нравственности, от имущества, от знания, от красоты, от долга, от семьи, от всякого духовного или даже телесного устремления и наконец от всякой активной воли». Это приведет к тому, что «человек потеряет себя». Горький, по ее мнению, – «творец русской катастрофы» (Гиппиус, 1990: 382-383). Даже Мережковский отметил, что она преувеличивает роль Горького в качестве пророка. Ее же собственное пророчество не нашло подтверждения во времени, что, однако, несколько не

смягчило ее отношения к писателю. Спустя годы, ссылаясь на врача И. Манухина, хотя ранее она сама утверждала, что «информация из третьих рук – это сплетни», Гиппиус писала: «Его квартира – совершенный музей, так переполнена старинными вещами, скупленными у тех, кто падает от голода» (Гиппиус, 1991: 232). И это еще не самое суровое обвинение в адрес писателя. Вынужденная признать факт помощи Горького философу Розанову, она стремится приуменьшить значение и размер этой помощи. Позиция Горького по отношению к Гиппиус на этом фоне выглядит благородно. Подчеркивая необоснованность ее претензий на ведущую роль в русской литературе, он признавал за ней талант и новаторство стиха, ее влияние на Бальмонта, Брюсова, Белого. В архиве Горького есть запись о том, что в издаваемую серию «Библиотека поэта» необходимо включить поэтические произведения Гиппиус (Крутикова, 1978: 299).

Мнение современников о Гиппиус не было однозначным. Оно колебалось от ее восторженного восприятия, как это было в молодости у М. Шагинян, до не менее сильного разочарования и полного неприятия ее личности впоследствии, как это произошло с той же Шагинян. Марина Цветаева в письме к У. Цетлиной, после прочтения ею мемуаров Гиппиус, отмечает, что написаны они были «из чистой злобы», характеризует ее как женщину изворотливую, которой удалось, не прибегая ко лжи, создать образ А. Белого, вызывающий отвращение. Цветаева резюмирует: «Это не пасквиль, это ланцет и стилет. И эта женщина – чертовка» (Хрисанфов, 2005: 36). Естественно, что подобного мнения о себе Зинаида Николаевна простить не могла. Негативное отношение к Цветаевой было следствием этого, хотя и объяснялось разностью политических убеждений. Н. Берберова в своих мемуарах отмечала, что З. Гиппиус были свойственны ирония, капризы, интриги и манерность. Складывалось впечатление, что она как бы под микроскопом рассматривала каждого человека и судила о нем неверно и предвзято, если он не соглашался с ее мнением (Берберова, 1990: 514, 517).

К. Чуковский, достаточно тесно общаясь с супружеской четой Мережковских, часто был разочарован их поведением. Во время обсуждения с ними вопроса о журнале «Крокодил» он понял, что его просто хотят использовать, «что на меня и на «Крокодила» им плевать, что все у них прорепетировано заранее, – и меня просто затошнило от отвращения, как будто я присутствую при чем-то неприличном». Помогая им во всем, откликаясь на их просьбы, он был уверен, что при случае «Мережковские первые будут клеветать на меня». Ради денег Мережковский «готов унижаться и симулировать бедность» (Чуковский, 1991: 74, 93, 114).

Доверительными и дружескими считала Гиппиус свои отношения с А. Блоком. Но поэт смотрел на них несколько иначе. В письме к жене в декабре 1902 г. он писал: «Скоро мы оставим всех Мережковских. Зинаиду Николаевну я понял еще больше, она мне теперь часто просто отвратительна» (Блок, 1978: 86). Религиозные искания Мережковских интересовали поэта мало. А бесцеремонное вмешательство в его личные дела Гиппиус, не одобрявшей женитьбу Блока на Л. Менделеевой, раздражало его. Однако совсем разойтись с супругами не получалось, так как они готовили издание журнала «Новый путь», в котором Блок надеялся печатать свои стихи.

Д. Философов, состоявший с Гиппиус в многолетних тесных отношениях, признавал в ней «бедную, исковерканную натуру», которую он знал «со всеми ее пороками». И это знание позволило ему «забыть все кривлянье» и увидеть «оголенную порочную душу, жаждущую Бога» (ИРЛИ. Ф. 102. Ед. хр. 191. Л. 30б.-40б.). Сама Гиппиус в письме к П. Вейнбергу свое положение в обществе оценивала так: «У меня есть серьезные друзья – и серьезные враги. И этим врагам я не хочу дать повод для лишней улыбки» (ИРЛИ. Ф. 62. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 22-22а). Как персона яркая и неординарная, Зинаида Николаевна многих привлекала к себе, но ее личностные качества: нетерпимость, амбициозность, эгоизм – делали ее фигуру малопривлекательной при более близком общении. В качестве основного мотива поведения Гиппиус Н. Берберова определяла жажду власти. «Как она властвовала над людьми и как она любила это, вероятно, превыше всего, любила эту «власть над душами», и все ее радости и мучения были связаны именно с этим властвованием» (Берберова, 1990: 518).

Личностные качества писательницы сказались на характере ее общественной деятельности. Только излишней самоуверенностью, верой в собственную непогрешимость можно объяснить взятую ею на себя роль вдохновительницы идеи нового религиозного сознания. Религиозные поиски и искания привели ее к мысли о создании Религиозно-философских собраний, на заседаниях которых должен был состояться диалог между духовенством и интеллигенцией. По мнению Гиппиус, в православной среде необходимо было найти творческие силы, способные понять проблемы общественного развития, содействующие их разрешению. Собрания начинают проводиться с 1901 г. Мережковские определяли себя в качестве руководителей и вдохновителей создания церкви Третьего Завета, которая, отрицая «историческую церковь», вбирала бы, однако, в себя накопленный ею исторический опыт. Эту задачу они определили как «Главное» и ее осуществлению посвятили свою жизнь. Образовавшийся союз троих, куда, кроме Мережковских, вошел Д. Философов, не осознавал утопичности идеи, в жертву которой приносилась собственная жизнь и судьбы других людей. Исследователь В. Сарычев в своей монографии, посвященной русскому модернизму, утверждал, что только «дьявольская гордыня» могла сподвигнуть их замахнуться на многовековые устои православной церкви, что «итог «Главного» – сломанные судьбы, разбитые человеческие жизни. И извращенность сознания и поведения, принимаемого за норму» (Сарычев, 2017: 219, 223). Идея

«нового религиозного сознания» в рамках церкви Третьего Завета не вызвала понимания у современников. Н. Бердяев в письме к Гиппиус указывал, что он расходится с ними в понимании церкви, по его мнению, «из их стараний получится лишь секта, а не вселенская церковь» (Бердяев, 1990: 297-298). Разногласия по церковным вопросам впоследствии привели к разрыву отношений между философом и Мережковскими.

Рассматривая православие как пережиток, Гиппиус считала, что «православная церковь ему (народу) во многих отношениях чужда и не имеет для него решающего значения». Не считая свое мнение парадоксальным, она полагала, что «приводить исторические доказательства было бы слишком долго» (Гиппиус, 1999: 204). Свое мнение она не подкрепляла фактами, и ссылка на его очевидность для всех не выглядит убедительной. Предположение же, что у автора просто не было существенных доказательств, подкрепляющих свою точку зрения, в данном случае может быть оправдано. Мережковский, связывая церковный вопрос с вопросом о самодержавной власти, утверждал, что «самодержавие и православие – две половины единого целого», поэтому «нельзя свергнуть самодержавие без православия» (Мережковский, 1999: 58, 60). Поддержка церковью самодержавия была обусловлена ее зависимостью от него. Давая оценку личности российского императора, Гиппиус писала: «Он не злой, но слабый и безвольный человек» (Гиппиус, 1999: 124). Д. Философов характеризовал царя как «скромного и безвольного офицера», «как настоящее проклятие для России» (Философов, 1999: 73). Проклятие же это заключалось в том, что для Николая II, как человека глубоко верующего, отречение от самодержавия было равносильно отречению от православия. Невозможность для него отречения от веры делало невозможным и установление в России конституционной монархии. Эта цепочка логических рассуждений делала Зинаиду Гиппиус ярким сторонником антимоноархических идей.

Не только теоретические размышления о перспективном развитии, но и события реальной жизни нашли свое отражение в наследии Гиппиус. Оценка текущих событий, данная в дневниках и мемуарах, свидетельствует о верном понимании ею происходящего. Она отмечала, что сначала русское общество мало реагировало на начавшуюся войну, так как все верили, что «громкая Россия не может не победить крошечную Японию» (Гиппиус, 1990: 385). События 9 января 1905 г., напротив, вызвали возмущение в обществе. Интеллигенция в Петербурге устраивала «банкеты, походившие на митинги». «А скоро начались уже не речи, а манифестации на улицах и первые, там же, выстрелы» (Гиппиус, 1990: 393). Все это Гиппиус наблюдала из окон своей квартиры. Сами Мережковские вместе с Философовым и Белым свой протест выразили тем, что поехали в Александринский (Императорский) театр прекращать спектакль. Протест, который начали студенты, поддержала публика, занавес опустили (Гиппиус, 1990: 387). «Манифест 17 октября» митингов не прекратил, напротив, расколол общество на тех, кто готов был поверить правительству, и тех, кто этой веры не разделял. Как обман расценила манифест и Гиппиус. Сделав уступки в светской жизни, манифест не поколебал утверждения о религиозной сущности царской власти и не поменял сути этой власти. В целом же, отмечала Гиппиус, в обществе мало понимали, что происходит. «Как легко было дурачить бедную русскую интеллигенцию!» – восклицает она (Гиппиус, 1990: 388). А. Бенуа, однако, не столь серьезно относился к революционной деятельности Мережковских, как они сами. Так, памфлет, который супруги опубликовали против правительства и, испугавшись, бежали за границу, он считал проявлением легкомыслия и инфантильности (Бенуа, 1993а: 440). Из Парижа супруги продолжали следить за событиями, происходившими в России. Избрание и разгон Дум они восприняли как фарс, считая, что эта уступка ровным счетом ничего не значит. Пытаясь разобраться в «болезненном хаосе», происходившем в России, Гиппиус проводит своеобразный анализ политических сил, способных противостоять царизму. Конституционные демократы, по ее мнению, не в состоянии это сделать, так как у них нет другой идеи, кроме установления конституции. Они идут на компромисс с царизмом, который в данной ситуации невозможен (Гиппиус, 1999: 107). Гиппиус отмечает невозможность укрепления в России конституционной монархии, поскольку страна долгое время была подвержена очарованию царизмом. «Народная душа никогда не мечтала о конституционной монархии; на эту благополучную посредственность она никогда не согласится», – считала мемуаристка (Гиппиус, 1999: 128).

Идеи социал-демократов были чужды Мережковским настолько, что они «возненавидели» их, «за одну скобку взяв и большевиков, и меньшевиков» (Гиппиус, 1990: 395). Ненависть их при этом носила какой-то маниакальный характер и переходила на людей, которые к этим идеям относились сочувственно. Поиск единомышленников привел к сближению супругов с Б. Савинковым, террористом, принимавшим участие в убийстве Плеве. Они пришли к согласию возможности революционного пути свержения самодержавия, пытались соединить революцию с религией, так как вне религии, по их мнению, нельзя рассматривать русскую революцию. Гиппиус отмечала, что «революция может принять внешние формы анархии, разрушения, хаоса». Реально смотря на жизнь, она признавала, что «наши мужики поджигают усадьбы, бессмысленно убивают скот, разрушают машины и произведения искусства, что они этими своими действиями демонстрируют, что являются животными в момент их восхождения к человеческому. Они не падают, они поднимаются» (Гиппиус, 1999: 127). В этом она видела «рождение» русского народа. Признание невозможности совершения

революции без насилия ставит вопрос об отношении автора к насилию. Гиппиус утверждала, что «нельзя простить убийства; но оправдать его, ...если оно совершается во имя будущего и внушено разумом и нравственным чувством, – не только можно, но и должно». Это объясняется «необходимостью «для высшего блага» (Гиппиус, 1999: 109). Отсюда вытекает оправдание ею терроризма, ведь по-другому было нельзя. «Между убийством, которое исполнено революционером, и убийством, ...которое назначило власть, – между ними разница столь велика, столь ясна, столь несомненна, что нет нужды на нее специально указывать» (Гиппиус, 1999: 118). В этом высказывании прослеживается непоследовательность автора. С одной стороны, убивать нельзя, а с другой – смотря кого и во имя чего. Но есть вопросы принципиальные, которые не терпят компромиссов в своем решении. Убийство человека, не важно кто он, революционер или жандарм, есть преступление, ибо при убийстве переступаются прежде всего христианские морально-нравственные законы. Само же понятие «высшего блага» относительно. Нечаев, по всей вероятности, тоже им руководствовался, когда убивал студента Иванова. А предупреждение Ф. Достоевского, отразившего это событие в своем романе «Бесы», не было услышано ни Гиппиус и ее окружением, ни русской интеллигенцией в целом. Гиппиус признавала, что «не надо проливать кровь. Это невозможно. Но чтобы эта невозможность стала реальной, это необходимо!» (Гиппиус, 1999: 128). Таким образом, постулат свободы через насилие явился ее осознанным нравственным выбором.

Свою оценку событиям Первой мировой войны дает Гиппиус в своих письмах, дневниках, мемуарах, публицистике. Война началась для русской интеллигенции «вдруг», хотя, «конечно, не вдруг», ее вызревающие предпосылки просто игнорировались (Гиппиус, 1990: 450). На повседневной жизни столицы война почти не отразилась: работали театры, рестораны. Всюду наблюдался патриотический подъем. Столице вторила провинция. В далеком Иркутске в антрактах патриотических спектаклей исполнялись гимны стран-союзниц (ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 74). Свое неприятие войны Гиппиус обозначила весьма четко. «Проклинаю войну с начала и до конца, со всем ее прошлым и будущим, навеки», – писала она в письме к Философову (Гиппиус, 2018: 813). В статьях, противопоставляя «механической культуре» Германии «живую душу» России, она утверждала, что «для самой Германии надо, чтобы ее победили и освободили ее поработенную живую душу», что в Германии уже давно «голая техника, механика – уже не культура, а варварство. Естественно желать победы над этим варварством» (Гиппиус, 2014: 635, 638). Стремление разобраться в происходящих событиях делало ее дом доступным в годы войны для самой разнообразной публики – от А. Керенского, который заходил часто, до простого люда. Она вспоминала, что «многое ей объяснили... кухонные митинги» с солдатом Ваней Пугачевым, который бывал у Мережковских постоянно и характеризовал обстановку в городе так: «Сдурел народ, теперь не остановать». Гиппиус пугала «революция во время войны» (Гиппиус, 1990: 455, 464), которая может обратиться крахом и хаосом.

Не преувеличивая влияние Гиппиус на политическую ситуацию, необходимо отметить, что определенную роль в ее формировании она пыталась играть. Она понимала, что нерешительность Керенского губит Россию. Однако на встречу с председателем Временного правительства относительно правительственной декларации насчет войны пошел Мережковский, о чем Зинаида Николаевна позже сожалела, так как Дмитрию Сергеевичу, видимо, не хватило настойчивости, чтобы заставить Керенского действовать более решительно (Гиппиус, 1990: 457). Сожалела она и о беспомощности интеллигенции, ее неспособности взять власть, «когда она валялась на улице» (Гиппиус, 1990: 456). Поэтому, видимо, и сидела всю ночь над правкой декларации, которую должны были прочесть эсеры в Учредительном собрании, но которая так и не была прочитана (Гиппиус, 1990: 465). Убежденная в абсолютном зле большевизма, находясь до эмиграции в Петрограде, она поддерживала любые антибольшевистские силы. Когда последняя надежда на освобождение России после гибели Добровольческой армии была разрушена и «святая белая борьба с зараженным русским народом» (Гиппиус, 1990: 473) была окончательно проиграна, Гиппиус вместе с Мережковским и Философовым покинула Россию, как оказалось навсегда, чтобы и дальше «помогать без разбора всем, кто только был против большевиков» (Гиппиус, 1990: 482).

5. Заключение

Есть в истории имена людей, без знания биографии которых трудно представить современную им эпоху. Именно к таким людям, без сомнения, относится Зинаида Гиппиус. Деятельность ее в качестве литератора, общественного деятеля носила многосторонний характер. Одаренность и талант Гиппиус, не вызывавшие ни у кого сомнения, делали ее мнение авторитетным в среде русской интеллигенции. Необыкновенно обширный круг знакомств и связей как в творческих кругах, так и среди общественных и политических деятелей способствовал тому, что ее взгляды и идеи были там широко известны и вызвали определенный резонанс в обществе, влияя на умонастроения интеллигенции.

Саму литературную и общественную деятельность Гиппиус можно рассматривать как средство на пути распространения собственных религиозных идей. Большую роль в реализации идеи «нового религиозного сознания» сыграли Религиозно-философские собрания, непосредственным организатором которых она являлась. Супруги Мережковские, добровольно возложив на себя миссию

преобразователей церкви, пытались сплотить религиозную общественность под своим руководством. Фанатично преданная этой идее Гиппиус подчинила свою жизнь и жизнь окружающих ее людей служению «Главному». По ее мнению, создание нового религиозного сознания давало ей право власти над людьми. Духовное порабощение человека против его воли оправдывалось тем, что делается это ради будущего, во имя человека. Однако общество не разделило религиозных убеждений Мережковских, и их религиозно-общественная деятельность потерпела неудачу.

Главное зло для России Гиппиус видела в существовании самодержавной власти, которая духовно поработила общество, лишив автономии православную церковь. Надежды на преобразование России она связывала с интеллигенцией, отрицая при этом анархию как проявление индивидуализма, диктатуру пролетариата как власть, связанную с насилием. Осуждая решительно Первую мировую войну как фактор насилия и разрушения культуры, она ратовала за победу России как единственной страны, сохранившей еще духовный и нравственный потенциал. Приветствуя Февральскую революцию, Гиппиус надеялась, что установленные революционным путем принципы свободы дадут возможность претворить ее собственные теории в жизнь.

Характер общественной, творческой деятельности человека во многом определяется его личностными качествами. Зинаида Николаевна умело использовала свои организаторские задатки. Но категоричность суждений иногда не позволяла ей верно оценивать события. Она была склонна переоценивать в них свою роль, что часто отталкивало от нее людей. Самолюбивая, эксцентричная, требовавшая безусловного подчинения, с претензиями на лидерство, она судила о людях порой бескомпромиссно и авторитарно. Будучи уже в эмиграции, она не признавала талантливых писателей только потому, что они остались на родине. Творчество Горького, Маяковского, Пастернака было вне круга ее интересов.

Богатое творческое, эпистолярное и публицистическое наследие, опыт общественной деятельности Зинаиды Гиппиус до сих пор продолжают привлекать внимание к ее личности как исследователей, так и наших современников, интересующихся историей своего отечества. Наследие, созданное ею, являясь культурным достоянием России, помогает осмыслить настоящее и определиться с собственной идентичностью.

Литература

- Бенуа, 1993а – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 1. М., 1993. 711 с.
 Бенуа, 1993б – Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Т. 2. М., 1993. 743 с.
 Берберова, 1990 – Берберова Н. Курсив мой (журнальный вариант) / Серебряный век: Мемуары. М., 1990. С. 431-574.
 Берберова, 1999 – Берберова Н. Александр Блок и его время: Биография. М., 1999. 256 с.
 Бердяев, 1990 – Бердяев Н. Письма Николая Бердяева // *Минувшее*. Вып. 9. Париж, 1990. С. 294-325.
 Блок, 1978 – Блок А. Письма к жене: Литературное наследство. Т. 89. М., 1978. 415 с.
 ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
 Гиппиус, 1990 – Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. Воспоминания / Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус. 14 декабря: роман. Дмитрий Мережковский: воспоминания. М., 1991. С. 283-523.
 Гиппиус, 1991 – Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. 471 с.
 Гиппиус, 1999 – Гиппиус З.Н. Революция и насилие / Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М., 1999. С. 103-128.
 Гиппиус, 2018 – Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус // *Литературное наследство*. Т. 106. Кн. 1. М., 2018. 896 с.
 Гиппиус. Исследования, 2002 – Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002. 384 с.
 ИРЛИ – Институт русской литературы.
 Колобаева, 2000 – Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000. 296 с.
 Крутикова, 1978 – Крутикова Н.Е. В начале века: Максим Горький и символисты. Киев, 1978. 308 с.
 Мережковский, 1991 – Мережковский Д.С. «Большая Россия». Л., 1991. 272 с.
 Орлов, 1980 – Орлов В.Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 728 с.
 Политика и поэтика..., 2014 – Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. 880 с.
 Сарычев, 2017 – Сарычев В.А. Феномен русского модернизма: Религия. Эстетика. Творческая жизнь. М., 2017. 704 с.
 Философов, 1999 – Философов Д. Религия и революция / Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов. Царь и революция. М., 1999. С. 63-102.
 Хрисанфов, 2005 – Хрисанфов В.И. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции. СПб., 2005. 164 с.
 Чуковский, 1991 – Чуковский К.И. Дневник 1901–1929. М., 1991. 544 с.

- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F., Akhtamov E.A. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G., Gergilev D.N., Malutina L.F. (2017). Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917) // *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2. Pp. 625-634.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Zhulaeva A.S. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 625-634.

References

- Benua, 1993a – Benua, A.N. (1993). Moi vospominaniya V 5 kn. T. 1. M. 711 p. [in Russian]
- Benua, 1993b – Benua, A.N. (1993). Moi vospominaniya [My memories]. V 5 kn. T. 2. M. 743 p. [in Russian]
- Berberova, 1990 – Berberova, N. (1990). Kursiv moi (zhurnal'nyi variant). Serebryanyi vek: memuary [Italics are mine (magazine version). Silver Age: memoirs]. Moscow. Pp. 431-574. [in Russian]
- Berberova, 1999 – Berberova, N. (1999). Aleksandr Blok i ego vremya: Biografiya [Alexander Blok and his Time: A Biography]. Moscow. 256 p. [in Russian]
- Berdyayev, 1990 – Berdyayev, N. (1990). Pis'ma Nikolaya Berdyayeva Letters of Nikolai Berdyayev]. *Minushee*. Vyp. 9. Parizh. Pp. 294-325. [in Russian]
- Blok, 1978 – Blok, A. (1978). Pis'ma k zhene [Letters to his wife]. *Literaturnoe nasledstvo*. T. 89. M., 415 p. [in Russian]
- Chukovskii, 1991 – Chukovskii, K.I. (1991). Dnevnik 1901–1929 [Diary 1901–1929]. Moscow. 544 p. [in Russian]
- Filosofov, 1999 – Filosofov, D. (1999). Religiya i revolyutsiya. Merezhkovskii D., Gippius Z., Filosofov D. Tsar' i revolyutsiya [Religion and revolution. Merezhkovsky D., Gippius Z., Philosophers D. Tsar and Revolution]. Moscow. Pp. 63-102. [in Russian]
- GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [The State Archive of the Irkutsk region].
- Gippius, 1990 – Gippius, Z.N. (1991). Dmitrii Merezhkovskii. Vospominaniya. Merezhkovskii D.S. Gippius Z. N. 14 dekabrya: roman. Dmitrii Merezhkovskii: vospominaniya [Dmitry Merezhkovsky. Memoirs. Merezhkovsky D.S. Gippius Z. N. December 14: novel. Dmitry Merezhkovsky: memories]. M. Pp. 283-523. [in Russian]
- Gippius, 1991 – Gippius, Z. N. (1991). Stikhotvoreniya. Zhivye litsa [Poems. Living faces]. Moscow. 471 p. [in Russian]
- Gippius, 1999 – Gippius, Z. N. (1999). Revolyutsiya i nasilie. Merezhkovskii D., Gippius Z., Filosofov D. Tsar' i revolyutsiya [Revolution and violence. Merezhkovsky D., Gippius Z., Philosophov D. Tsar and Revolution]. Moscow. Pp. 103-128. [in Russian]
- Gippius, 2018 – Epistol'yarnoe nasledie Z.N. Gippius. Literaturnoe nasledstvo [Epistolary heritage Z.N. Gippius: Literary Heritage]. T. 106. Kn. 1. M. 2018. 896 p. [in Russian]
- Gippius. Issledovaniya, 2002 – Zinaida Gippius. Novye materialy. Issledovaniya [Zinaida Gippius. New materials. Researches.]. M., 2002. 384 p. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Zhulaeva, A.S. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 625-634.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina, T.V., Sejtkanova, A.A., Gryaznukhin, A.G., Gergilev, D.N., Malutina L.F. (2017). Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917). *Bylye Gody*. 44(2): 625-634.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina, L.F., Akhtamov, E.A. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.
- IRLI – Institut russkoi literatury [Institute of Russian Literature].
- Khrisanfov, 2005 – Khrisanfov, V.I. (2005). D. S. Merezhkovskii i Z.N. Gippius: Iz zhizni v emigratsii [D. S. Merezhkovsky and Z. N. Gippius: From life in exile]. Saint Petersburg. 164 p. [in Russian]
- Kolobaeva, 2000 – Kolobaeva, L.A. (2000). Russkii simvolizm [Russian symbolism]. Moscow. 296 p. [in Russian]
- Krutikova, 1978 – Krutikova, N.E. (1978). V nachale veka: Maksim Gor'kii i simvolisty [At the beginning of the century: Maxim Gorky and the Symbolists]. Kiev, 308 p. [in Russian]
- Merezhkovskii, 1991 – Merezhkovskii, D.S. (1991). «Bol'naya Rossiya» ["Sick Russia"]. Leningrad. 272 p. [in Russian]

Orlov, 1980 – Orlov, V.N. (1980). Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka [Gamayun. The life of Alexander Blok]. Leningrad. 728 p. [in Russian]

Politika i poetika..., 2014 – Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voyny. Publikatsii, issledovaniya i materialy ([Politics and Poetics: Russian Literature in the Historical and Cultural context of the First World War. Publications, research and materials]. Moscow, 2014. 880 p. [in Russian]

Sarychev, 2017 – Sarychev, V.A. (2017). Fenomen russkogo modernizma: Religiya. Estetika. Tvorcheskaya zhizn' [The phenomenon of Russian Modernism: Religion. Aesthetics. Creative life]. M. 704 p. [in Russian]

Идейно-духовная парадигма общественной деятельности З.Н. Гиппиус в контексте эпохи Серебряного века

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Иван Алексеевич Пфаненштиль ^a, Татьяна Валерьевна Счастливая ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Общественная деятельность, особенности мировоззрения Зинаиды Гиппиус, ее влияние на формирование сознания русской интеллигенции рубежа XIX–XX веков являются основным предметом исследования данной статьи. Исследование базируется на использовании первоисточников: дневников, воспоминаний, мемуаров, писем, статей как самой Гиппиус, так и ее современников. Сравнительный анализ источников дал возможность с наибольшей степенью объективности составить представление об общественно-политических процессах, происходивших в России, и роли Гиппиус в них. Дано обоснование причин неудачи религиозно-философской деятельности З. Гиппиус и ее ближайших сподвижников в лице Д. Мережковского и Д. Filosofova. Идея осуществления «Главного», которая заключалась в создании модернизированной церкви на основе формирования нового религиозного сознания, не нашла отклика у современников. Личностные качества Гиппиус: завышенная самооценка собственной персоны, фанатичная убежденность в истинности собственных идей, которые на деле оказались ложными, уверенность в том, что необходимость распространения этих идей дает ей право распоряжаться судьбами людей, подчиняя их своей воле, – отталкивали от нее даже ее сторонников. Многочисленные контакты с представителями разных слоев населения помогали Гиппиус верно оценивать общественно-политическую ситуацию в стране и выработать к ней свое отношение. Учитывая авторитет Гиппиус и влияние в среде русской интеллигенции, несколько не преувеличивая при этом результатов ее общественной деятельности, можно с уверенностью сказать, что она внесла вполне определенный вклад в формирование общественного сознания, что делает ее личность интересной и для наших современников.

Ключевые слова: З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, интеллигенция, Россия, культура, революция, Серебряный век.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), IPfanenshtil@sfu-kras.ru (И.А. Пфаненштиль), trizhenkova@sfu-kras.ru (Т.В. Счастливая)